

УДК 821.111(73).09

Г. И. Лушникова¹, Т. Ю. Осадчая²

**КАТАСТРОФЫ В РАСКАЗАХ С. КИНГА:
ФАНТАЗИЯ, ВОПЛОЩАЮЩАЯСЯ В РЕАЛЬНОСТЬ**

59

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

² Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Поступила в редакцию 11.08.2025 г.

Принята к публикации 16.01.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-2-5

Для цитирования: Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Катастрофы в рассказах С. Кинга: фантазия, воплощающаяся в реальность // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2026. №2. С. 59 – 69. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-2-5.

Статья посвящена изучению проявлений катастрофического сознания в художественном рассказе. Методологической базой исследования послужили научные работы в области литературоведения, а также философии, социологии и искусствоведения, в которых представлены дефиниции, описывается сущность понятий «катастрофическое сознание», «катастрофа», предложена типология катастроф. Представлен краткий обзор произведений современной англоязычной литературы, репрезентирующих данную проблему, выделены основные темы и направления ее реализации. Практическим материалом избраны рассказы из сборника «Ночная смена» современного американского писателя Стивена Кинга, в которых изображены как проявления катастрофического сознания, так и сами катастрофы – реальные либо вымышленные, но возможные. Некоторые из них были предугаданы писателем с достаточно высокой степенью точности. Результаты интерпретационного анализа рассказов показали, что в них описаны разные типы катастроф, указаны причины их возникновения и опасные социальные, культурные, психологические и этические последствия для человечества.

Ключевые слова: катастрофическое сознание, катастрофа, литература катастроф, рассказ, фантастика, Стивен Кинг, «Ночная смена»

Введение

По справедливому замечанию А. Венковой, «ничто так не занимает современное искусство, как реконструкция различного рода катастроф, данных в опыте мира» [1, с. 39]. Эту тенденцию можно объяснить рядом

причин. Во-первых, прогресс сам по себе является катастрофическим процессом, перманентной катастрофой, когда любой порядок, то есть все то, что в определенный момент времени оказывается старым порядком, распадается для установления нового. В этом смысле даже отход от классических ценностей и идеалов может считаться катастрофой: «...катастрофическое чувство жизни у создателей художественных произведений нашло свое отражение в их творческом катастрофизме, выраженном в невозможности возврата к классическим идеалам культуры» [6, с. 39]. Именно поэтому можно сказать, что, если художник изображает окружающую его действительность, он неизбежно изображает ту или иную катастрофу, на фоне которой разворачиваются ключевые события произведения.

Во-вторых, художники с давних времен предпринимают попытки показать и осмыслить влияние разрушительных стихий на человечество: «На протяжении веков разрушительные стихийные бедствия оказывали огромное влияние на человеческое общество, об этом мы узнаем благодаря лучшим литературным произведениям, отражающим эти события. <...> Литературное повествование неизменно служит эффективным средством напоминания читателю о природных явлениях, показывает широкий спектр эмоций людей по отношению к стихии» [12, р. 10]. То же можно сказать об изображении истории с присущим ей трагизмом. Особенно это касается истории XX в., характеризующейся войнами, гуманитарными катастрофами и другими потрясениями. Можно сказать, что литература «придает смысл» катастрофам, пытаясь, с одной стороны, их объяснить, с другой — воссоздать их образы и определенным образом встроить в культурный контекст: «Литература придает смысл катастрофам либо посредством научных объяснений и религиозных, этических или политических интерпретаций, либо путем преобразования событий в искусно созданные образы и тропы, тем самым интегрируя их в культурный дискурс» [13, р. 3].

В-третьих, литература и искусство пытаются выразить страх людей перед политическими и социальными проблемами современного мира, кризисами и угрозами локального и мирового масштаба, а также катастрофами, к которым нерешенность этих проблем может привести в будущем: «...литература служит одновременно зеркалом общественных проблем и инструментом для представления возможных вариантов будущего» [16, р. 130]. Кроме того, литература позволяет представить глобальные проблемы в доступных образах, взглянуть угрозам и страхам в лицо, что может стать для читателей источником некоторого утешения перед лицом катастроф. Особо нужно сказать о страхе перед неизвестными стихийными силами, с которыми человечество еще не сталкивалось и против которых не существует средств защиты. Литература пытается их предвидеть, изображая вымышленные катастрофы.

В-четвертых, именно литература позволяет рассмотреть и проанализировать социальные, психологические и этические последствия катастроф: «...литература выходит за рамки реальности и предлагает уникальный взгляд на глубину человеческой природы, создает мета-

форы катастроф и исследует их влияние на общество, что невозможно заменить ни научным прогнозированием, ни другими видами искусства» [13, р. 4].

Ученые говорят о возникновении у современных людей определенного типа сознания – катастрофического, которое можно описать следующим образом: «Если чувство страха становится постоянной характеристикой сознания, оно “застревает” в этом состоянии на длительное время, в этом случае можно говорить о начальном этапе формирования катастрофического сознания» [2, с. 160]. По словам Н. Новикова, «проблема катастрофического сознания тесно связана со стремлением человечества к гармоническому состоянию общества на каждом этапе его существования. <...> Все стороны взаимодействия человека с реальностью связаны с поисками оптимального решения различных задач, которые часто видятся как путь к наибольшей гармонии всех сторон бытия» [9, с. 86–87].

Катастрофическое можно описать как универсальное понимание людьми, с одной стороны, опасности действия стихийных и необъяснимых сил природы, с другой – последствий деятельности самого человечества: «Наиболее глубинным в историко-культурном смысле является “дремлющее” в сознании любого человека представление о беспомощности, невозможности противостоять действию слепых, разрушительных сил природы, истоки которого мы находим в первобытном ужасе перед стихийными бедствиями. Другой тип катастрофической картины мира формируется в современную эпоху и основывается на понимании того, что именно деятельность человека может привести к катастрофическим последствиям» [10, с. 6].

Термин «катастрофа» имеет ряд определений, акцентирующих тот или иной аспект феномена. Вслед за Т. В. Захаровой мы говорим о катастрофическом «как об ожидании, предчувствии катастрофы, беды, несчастья и, как следствие, о возможных путях ее предотвращения, так и о преодолении последствий катастрофы (мнимой или реальной)» [4, с. 185]. При этом понятие «катастрофа» может быть определено как «разрушительное изменение в жизни отдельных людей, групп, обществ, всего человечества, ухудшающее положение данного субъекта, вплоть до гибельных для него последствий» [8, с. 62]. В следующем определении подчеркивается такой аспект катастрофы, как неспособность общности людей или всего человечества справиться с последствиями стихийной разрушительной силы: «Стихийное бедствие – это внезапное катастрофическое событие, которое серьезно нарушает функционирование сообщества или общества и приводит к человеческим, материальным, экономическим или экологическим последствиям, которые сообщество или общество не может устранить, используя собственные ресурсы» [15, р. 289–290]. По справедливому замечанию Т. П. Швеца, «любые определения катастрофы указывают на ее общезначимость, подчеркивают чрезвычайный гносеологический, аксиологический, онтологический потенциал масштабного негативного события и непосредственное участие человека в его переживании» [11, с. 9].

Изображение катастроф в художественной литературе

Изображение катастроф в художественном произведении характеризуется рядом специфических элементов. Во-первых, подобным произведениям нередко присущ трагический пафос, а ключевым их мотивом можно назвать поиск смысла жизни, а также ужас и благоговение перед стихийными силами: «Поиск смысла жизни перед лицом катастрофы, борьба между покорностью и сопротивлением стихии, смешанные чувства страха и благоговения перед мощью природы — это повторяющиеся мотивы, выходящие за рамки культурных и временных границ» [16, р. 129]. Во-вторых, по словам исследователей, «как правило, сюжет такого художественного текста воспроизводит отношения людей на фоне экологических бедствий, тотальных эпидемий, ядерных войн, космических нашествий» [3, с. 19]. То есть на первый план выходят именно взаимоотношения людей, подобные произведения характеризует глубокий психологизм. В-третьих, в «катастрофической» литературе можно выделить три типа хронотопа: до, во время и после катастрофы. Катастрофа при этом может иметь всемирный, локальный и — иногда — личный, индивидуальный характер. В-четвертых, можно говорить о присутствии в произведениях, посвященных катастрофам, жанровых признаков социально-психологического романа, поскольку ситуация катастрофы неизбежно приводит к социальным конфликтам и неожиданным психологическим последствиям для больших или малых групп людей.

Изображение катастроф в художественной литературе может быть представлено следующими темами: 1) страх перед необъяснимыми стихийными силами любого происхождения, затрагивающими жизнь и благополучие малых или больших групп людей; 2) попытки предотвращения и борьба с проявлениями этих сил; 3) преодоление последствий действия этих сил, в том числе последствий социальных, культурных, психологических.

Тематику произведений, посвященных катастрофам, можно также представить следующим образом: 1) война и гуманитарные катастрофы прошлого; 2) реальные угрозы для современного общества; 3) вымышленные угрозы человечеству.

В современной англоязычной литературе изображение катастрофического представлено разных жанрах и тематических направлениях.

В произведениях о войне писатели предпринимают попытку определить влияние этой глобальной катастрофы на судьбы людей. Данная тема поднимается в романах «И пели птицы...» С. Фолкса, «Абсолютист» Дж. Бойна, «Стрела времени, или Природа преступления» и «Зона интересов» М. Эмиса, «Полная иллюминация» Дж. С. Фоеера, «На солнце и в тени» М. Хелприна, «Узкая дорога на дальний север» Р. Флэнагана. Современная литература, посвященная теме Холокоста, использует особую форму повествования: рассказы очевидцев, жертв,

палачей. В качестве примера можно назвать романы «Список Шиндлера» Т. Кенилли, «Мальчик в полосатой пижаме» Дж. Бойна, «Два брата» Б. Элтона.

Тематика реальных угроз для современного общества представлена в произведениях англоязычных авторов довольно широко. Угроза терроризма изображена в таких романах, как «Флоренс Аравийская» К. Бакли, «Неделя в декабре» С. Фолкса, «Железный век» Дж. Кутзее; угроза ядерной катастрофы — в романах «Белый шум» Д. Делилло, «Сожженные тени» К. Шамси; угроза пандемии — в романах «Эта смертельная спираль» Э. Сувады, «Пандемия» А. Дж. Риддла, «Станция Одиннадцать» Э. Сент-Джон Мандел; угроза экологической катастрофы — в романах «Облачный атлас» Д. Митчелла, «Последнее предупреждение» Д. Паттерсона; угроза техногенных катастроф — в «Море ржавчины» К.Р. Каргилла.

Вымышленные катастрофы также становятся предметом изображения в творчестве англоязычных писателей, например, в таких произведениях, как «Солнечная» И. Макьюэна, «Птичий короб» Дж. Малермана, «Смертельные машины» Ф. Рива, «Послезавтра» У. Страйбера, «Пятая волна» Р. Янси, «Рванный край» и «Долгая зима» Дж. Кристофера, «Дорога» К. Маккарти, «Фрагменты» Д. Уэллса, «Не отпускай меня» К. Исигуро, «Трилогия Безумного Аддама» М. Этвуд.

Проявлениям катастрофического сознания и изображению катастроф в литературе посвящены работы многих исследователей [2; 4; 6; 9; 10; 12–16], однако данная проблема требует дальнейшего изучения, поскольку в современном обществе регулярно возникают новые и новые вызовы, угрозы и, соответственно, страхи людей и продолжают создаваться произведения, в которых подобная тематика и проблематика находит самобытное воплощение.

Цель статьи — рассмотреть рассказы С. Кинга из сборника «Ночная смена» [5], в которых тема катастроф становится центральной; выявить описанные автором катастрофы, впоследствии воплотившиеся в реальности, и катастрофы, возможные, по мысли С. Кинга, в будущем; показать переплетение мистического и достоверного, что является характерным для идиостиля писателя приемом. В данном аспекте названный сборник ранее не рассматривался.

Угрозы реальных и возможных катастроф в рассказах С. Кинга

В рассказах современного американского писателя Стивена Кинга из сборника «Ночная смена» (1978) синтезированы жанровые элементы литературы катастроф и хоррора, что не одно и то же: катастрофа обычно бывает вызвана реальной причиной, «в то время как хоррор имеет дело с вмешательством сверхъестественных демонических сил» [7, с. 157].

В Предисловии к сборнику, озаглавленном «К читателю» [5, с. 10], Стивен Кинг особое внимание уделяет теме страха, его причинам, при-

роде, влиянию на человека. Первая строка предисловия, выделенная в отдельный абзац, звучит так: «Давайте поговорим. Давайте поговорим с вами о страхе» (пер. Н. Рейн) [5, с. 10]. И позже он продолжает тему: «Нет нужды доказывать очевидное — жизнь полна страхов, больших и маленьких» [5, с. 17]. Среди разных страхов, испытываемых человеком, писатель выделяет страх, возникающий в результате возможных катастроф. По его мнению, иногда тревога по поводу вероятных катастроф продиктована реальными событиями политической, экономической, общественной жизни.

В исследуемом сборнике рассказов в несколько гиперболизированном виде описываются угрозы разного рода реальных и возможных катастроф, которые могут обрушиться на человечество: пандемия, вышедшие из-под контроля машины, обладающие искусственным интеллектом, загрязнение окружающей среды, жестокие действия фанатиков разных сект, возрастающее число нераскрытых преступлений, среди которых значительное место занимают распространенные в наше время преступления мошенников-манипуляторов.

Задолго до пандемии XXI в. в рассказе «Ночной прибой» (пер. Н. Рейн), написанном в 1969 г., Кинг показал ситуацию, очень похожую на реальные события, которым мы были свидетелями. Группа молодых людей, бывших студентов, стремясь изолироваться, убежать от свирепствующей инфекции, приехала на далекое безлюдное побережье океана: «Произошло это, когда мы еще учились в университете, примерно за неделю до того, как заведение закрылось навсегда, и за месяц до того, как на грузовиках стали вывозить тела и хоронить их в братских могилах» [5, с. 109]. Все мы помним, как переходили на дистанционный режим работы во время недавней пандемии COVID-19 школы, университеты и другие учреждения, что хотя и не равноценно закрытию, но по атмосфере достаточно близко к тому, о чем пишет С. Кинг. Страхи, овладевавшие людьми, как они переданы писателем, похожи на испытанные нами и нашими современниками: «Возможно, к Рождеству все мы помрем. <...> Видение было настолько реальным, что я содрогнулся» [5, с. 110]. Пессимистические настроения также схожи с реальными: «Итак, что называется, приехали. Вся человеческая раса стерта с лица Земли, и не от атомного взрыва, биологического оружия, массового загрязнения среды или еще чего, столь же *значительного*. Нет, вовсе нет. Просто от гриппа». И далее выделенная курсивом фраза повторяется прописным буквами как воображаемая предупреждающая надпись для инопланетян: «ПРОСТО ОТ ГРИППА» [5, с. 113].

Несколько других рассказов сборника повествуют о катастрофах, которые могут возникнуть вследствие бурного развития новых технологий, в частности появления «умных машин», обладающих искусственным интеллектом. В рассказе «Мясорубка» (пер. Н. Рейн), написанном Кингом в 1972 г., когда искусственный интеллект не был настолько развит, как сегодня, стиральная машина на одной из фабрик-прачечных «оживает» и начинает убивать людей. Причина, по которой она начала действовать по своему усмотрению, не подчиняясь

управлению, даже при выключенном электропитании, неизвестна: то ли в нее вселились злые духи, то ли она превратилась в приведение, то ли ее кто-то заколдовал (таковы предположения персонажей). Полицейский и его друг, профессор английской литературы, ищут средства борьбы с таким поведением машины в старых книгах по колдовству и мистическим верованиям, в руководствах по изгнанию дьявола, сказках о друидах, английском фольклоре. Руководствуясь найденными рецептами, они проводят «очищение» машины при чтении строк из Ветхого Завета, то есть прибегают к ритуалам разных, противоречащих друг другу религий. Но их усилия оказываются напрасными, они понимают, что «машина приняла их вызов и что она... сильнее» [5, с. 158]. Финал рассказа трагичен: профессор погибает, а полицейский едва спасается бегством, но видит, что его гибель, как и гибель всего города, неизбежна.

В рассказе «Грузовики» (пер. В. Вебер) также описана ужасающая ситуация, когда грузовые автомобили выходят из-под контроля человека и действуют по своей прихоти, властвуя над ним и буквально порабощая его. «Ожившие» грузовики превращаются в жестоких хозяев людей, нещадно их эксплуатирующих. Люди вынуждены подчиниться и выполнять тяжелую работу по заправке машин практически без отдыха, а в случае сопротивления их убивают. Непонятно, что движет машинами: «Грузовиками никто не управлял. Солнечные лучи отражались от стекол пустых кабин, колеса поворачивались сами по себе» [5, с. 210]. Перебирая возможные причины происходящего, персонажи подбирают и рациональные варианты: «Электрическая буря? Ядерные испытания?» [5, с. 212], и иррациональные «Может, они взбесились?» [5, с. 210], которые кажутся более убедительными. Но победить бунт машин не удастся, и происшествие перерастает в полномасштабную катастрофу: «И мало-помалу они [машины] изменят мир, как им того захочется» [5, с. 226].

Сходным образом построен рассказ «Газонокосильщик» (пер. В. Вебер), в котором газонокосилка действует без какого-либо управления: «Красная газонокосилка... двигалась сама по себе. Никто ее не толкал, не направлял» [5, с. 309]. Она становится грозной силой, убивающей все живое, будь то человек или животное, оказавшееся на ее пути. Но, в отличие от автомашин из предыдущего рассказа, она действует совместно с неким монстром, получеловеком-полуживотным — газонокосильщиком, который представляет собой придаток машины, слепое орудие в ее руках.

Еще одна катастрофическая угроза, о которой говорит С. Кинг, — загрязнение окружающей среды. Экологическая проблематика аллегорически представлена в рассказе «Серая дрянь» (пер. Н. Рейн). В некой местности появляется странное отвратительное вещество, похожее на плесень или слизь; оно быстро распространяется и скоро превращается в гигантскую волну, поглощающую, уродующую, а впоследствии убивающую человека. Вещество пытаются уничтожить, стреляя в него из

ружья, но безуспешно. В итоге эта «серая дрянь» — вещество или существо — становится глобальным бедствием, грозя истребить весь город, страну, человечество.

В рассказе «Дети кукурузы» (пер. Т. Покидаевой) катастрофа имеет социальный источник. Фактором угрозы становятся фанатики-сектанты, слепо верящие в свои доктрины и жестоко расправляющиеся с инакомыслящими. Особый ужас вызывает тот факт, что членами секты являются дети. Известно, что именно подростки легче всего поддаются тлетворному влиянию разного рода фанатиков. Поэтому вымышленная катастрофа в этом случае воспринимается как пугающе вероятная.

Еще одна социальная проблема — это преступность и рост числа нераскрытых тяжких преступлений. В рассказах «Земляничная весна» и «Мужчина, который любил цветы» (пер. В. Вебер) писатель заставляет увидеть в этом нарастающий катастрофический процесс: несмотря на профессионализм полиции, вездесущие камеры наблюдения, видеозаписи, колоссальные базы данных и пр., преступники остаются ненайденными. Кинг находит этому мистическое объяснение. Но оно не снимает, а усиливает тревогу, так как оставляет ощущение бессилия перед лицом социального зла. Человек неспособен подавить панику, подозрительность в отношении каждого, не исключая друзей и близких, а в некоторых случаях, как ни парадоксально, и самого себя.

Угроза психологического воздействия и манипулирования человеком или группами людей, становящихся игрушкой в руках манипулятора, обсуждается в рассказе «Я знаю, чего тебе хочется» (пер. В. Антонова). В 1976 г. Кинг как будто предвидит развитие возможностей сети Интернет, сделавшей сегодня «прозрачной» жизнь каждого человека. Герой рассказа преследует девушку, в которую влюблен. Собрав информацию о ней, он начинает умело влиять на ее чувства, внедряя в ее сознание определенные мысли, навевать сны и кошмары. Постепенно девушка, ранее равнодушная, влюбляется в героя и становится зависимой от него. Объективный взгляд на ситуацию сохраняет подруга девушки, которая начинает подозревать, что молодому человеку помогает вовсе не эмпатия, а особая информация. Ее источником оказываются, по одной версии, экстрасенсорные способности героя, его дар предвидения, по другой — колдовские обряды и заговоры, которые помогают ему предугадывать ход событий и даже управлять ими. В любом случае угрозы вполне узнаваемы для современного человека. Этот «мальчик, желавший превратить людей в игрушечных солдатиков, а потом безжалостно их давивший» [5, с. 312], напоминает сегодняшних популярных экстрасенсов, обещающих исцеление доверчивым людям, телефонных и интернет-мошенников, владеющих навыками НЛП и гипноза, — тех преступников, которые действительно манипулируют сознанием людей, лишая их денег, имущества, жилья. В рассказе Кинга знакомые и близкие не в силах убедить жертв том, что им грозит опасность. Так, подруга героини, желая ей помочь, наводит справки о жизни ее возлюбленного, проводит частное расследование, но отчеты сы-

щиков и ее доводы оказываются бесполезными, лишь слегка поколебав уверенность жертвы. В отличие от всех предыдущих, этот рассказ имеет относительно счастливый конец — девушке все-таки удается освободиться от чар молодого человека.

Заключение

Таким образом, изучение ряда рассказов С. Кинга из сборника «Ночная смена» позволяет утверждать, что они отражают различные проявления катастрофического сознания современных людей: тревоги и страхи по поводу реальных и возможных катастроф, которые могут произойти или уже происходят в современной действительности. В аллегорической форме и гиперболизированных образах писатель моделирует бедствия, грозящие человечеству. Художественный мир рассказов С. Кинга формируется в сложном переплетении мистического и достоверного, что позволяет говорить о создании фантастической реальности как о специфической черте его сборника. Представляется продуктивным в дальнейшем исследовать другие рассказы, а также романы катастроф С. Кинга в аспекте проявлений катастрофического сознания. Небезынтересным также будет изучение произведений других писателей, обращающихся к тематике и проблематике катастроф.

Список литературы

1. Венкова А. В. «Катастрофическое сознание» в культурном опыте современности (к характеристике межпарадигмальной ситуации культуры «после постмодерна») // Диалог культур 2005: горизонты гуманитарного знания : материалы науч.-практ. конф. СПб., 2005. С. 39–42.
2. Епифанова А. Ю. Катастрофическое сознание как фактор формирования жизненных сценариев современной российской молодежи // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №8 (054). С. 160–163.
3. Желобцова С. Ф., Барашкова С. Н. Жанровые маркеры романа-катастрофы в прозе Андрея Геласимова и Сакё Комацу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, №10. С. 19–22. doi: 10.30853/filnauki.2019.10.4.
4. Захарова Т. В. Катастрофизм как явление европейской и русской культуры первой трети XX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2012. №1 (105). С. 184–189.
5. Кинг С. Ночная смена. М., 2015.
6. Консон Г. Р. Катастрофическое ощущение личности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. №3 (43). С. 37–45.
7. Куликова Д. Л. Апокалиптические мотивы в свете поэтики ужасного (на материале прозы А. В. Иванова) // Филология: научные исследования. 2020. №12. С. 156–167. doi: 10.7256/2454-0749.2020.12.34419.
8. Матвеева С. Я., Шляпентох В. Э. Страхи в России: в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2000.
9. Новиков Н. С. Катастрофическое сознание: краткий обзор проблемы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, №5. С. 85–94. doi: 10.37482/2687-1505-V296.

10. Положенцева Е. В. Культурные ориентиры катастрофического сознания : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003.
11. Швец Т. П. Катастрофа как тема и образ в истории изобразительного искусства (на материале живописи и графики немецкого экспрессионизма) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012.
12. Classen A. Human-Made and Natural Catastrophes Reflected in Western Literature: From Antiquity to the Present // International Journal of Research in Humanities and Social Studies. 2024. Vol. 11, №2. P. 9–18. doi: 10.62557/2394-6296.110202.
13. Dürbeck G. Writing Catastrophes: Interdisciplinary Perspectives on the Semantics of Natural and Anthropogenic Disasters // European Journal of Literature, Culture and Environment. 2012. Vol. 3, №1. P. 1–9. doi: 10.37536/ECOZONA.2012.3.1.
14. Hou Y. How does Disaster Impress Literature: a Primary Analysis of the Literary Turn in the Post-Pandemic in the Context of “Disaster Culture” // International Conference on Language and Cultural Communication. 2023. Vol. 159. P. 1–5. doi: 10.1051/shsconf/202315901007.
15. Joseph J. G., Ragam S. P., Rajitha R. A Critical Study of Disaster as Reflected in Literature // International Journal of Chemical Sciences. 2016. №14 (1). P. 289–294.
16. Makhmudova N. A. Representation of Natural Disasters in Literature: from Mythological Tales to Modern Narratives // Нижневартковский филологический вестник. 2024. №2. С. 125–131. doi: 10.36906/2500-1795/24-2/11.

Об авторах

Галина Игоревна Лушникова – д-р филол. наук, проф., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

E-mail: lushgal@mail.ru

AuthorID: 502598

ORCID: 0000-0003-1080-3184

Татьяна Юрьевна Осадчая – канд. пед. наук, доц., Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

AuthorID: 888832

ORCID: 0000-0001-8566-2529

G. I. Lushnikova¹, T. Yu. Osadchaia²

DISASTERS IN S. KING'S SHORT STORIES: FANTASY BECOMING REALITY

¹V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

²Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Received 11 August 2025

Accepted 16 January 2026

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-2-5

To cite this article: Lushnikova G. I., Osadchaia T. Yu. 2026, Disasters in S. King's short stories: Fantasy becoming reality, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 59–69. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-2-5.

The article is devoted to the study of manifestations of catastrophic consciousness in the short story. The methodological basis of the research consists of scholarly works in literary studies, as well as in philosophy, sociology, and art studies, which provide definitions, describe the essence of the concepts of “catastrophic consciousness” and “catastrophe,” and propose a typology of catastrophes. A brief overview of works of contemporary English-language literature representing this problem is presented, and the main themes and directions of its development are identified. The practical material consists of stories from the collection “Night Shift” by contemporary American writer Stephen King, which depict both manifestations of catastrophic consciousness and catastrophes themselves – real or fictional but possible. Some of these were predicted by the writer with a relatively high degree of accuracy. The results of the interpretative analysis of the stories show that they describe different types of catastrophes, identify their causes, and reveal dangerous social, cultural, psychological, and ethical consequences for humanity.

Keywords: catastrophic consciousness, catastrophe, disaster literature, short story, speculative fiction, Stephen King, “Night Shift”

The authors

Prof. Galina I. Lushnikova, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia.
E-mail: lushgal@mail.ru
AuthorID: 502598
ORCID: 0000-0003-1080-3184

Dr Tatiana Yu. Osadchaia, Associate Professor, Sevastopol State University, Russia.
E-mail: osadchaya_ta@mail.ru
AuthorID: 888832
ORCID: 0000-0001-8566-2529